

М.В. ВОЛОЦКОЙ И ЕГО «ХРОНИКА РОДА ДОСТОЕВСКОГО»

Н.Н. Богданов

Московский институт открытого образования, Москва

На основе архивных и малоизвестных печатных материалов рассматривается история создания фундаментального труда московского антрополога М.В. Волоцкого о родословии Ф.М. Достоевского [Волоцкой, 1933]. Приводятся факты биографии и творческого пути ныне, увы, забытого исследователя, анализируется научная атмосфера, в которой замышлялся и создавался его труд, формулируются выводы, возникающие при изучении родословия знаменитого писателя.

Ключевые слова: *антропология, евгеника, генеалогия, психопатология, гениальность*

Вряд ли будет преувеличением считать, что научный интерес к предкам Ф.М. Достоевского возник сразу же после смерти писателя. У истоков исследований стояла его вдова – Анна Григорьевна; первой среди литературоведов и биографов Федора Михайловича она обратила внимание на фундаментальный труд «Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни» [Гроссман, 1935. С. 15]. Выпущенный еще в 1849 г., он содержит упоминание о служебном шляхтиче Федоре Ивановиче Достоевском – поверенном в делах знаменитого деятеля времен Ивана Грозного, возможно, первом историческом лице, носившем столь прославленную позже фамилию [Жизнь князя Курбского. 1849]. Не исключено также, что в лице этого человека мы имеем прямого предка писателя. А.Г. Достоевской станут известными имена и других представителей славного рода, например, брата предыдущего – Стефана Ивановича Достоевского, в 1577 г. поставленного его тезкой Баторием на управление Минской Вознесенской обители [Достоевский в изображении, 1992] или их племянника – предводителя пинской шляхты (маршалка) Петра Сасиновича Достоевского [Гроссман, 1935. С. 16]. В конце XIX века она вступит в переписку с А. Кульчицким и П. Еремичем – священниками Ильинской церкви того самого села Достоево в Белорусском Полесье, от которого пошло и само прозвание Достоевских [Гроссман, 1935. С. 16]. Правда, ее корреспонденты сообщат не многое: общее число дворов и жителей в селе, названия окрестных хуторов и имений [Гроссман, 1935. С. 16; Волоцкой, 1933. С. 22], да то, что в церковном архиве, со-

хранившемся с 1800 г., «по тщательном осмотре метрик, исповедных и клировых ведомостей, нигде не оказалось никакой записи о Достоевских», а старое дворянское кладбище под названием «Церковик», где они могли быть похоронены, «все заросло землей» [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 25. Л. 568]. К тому времени память о прежних владельцах Достоева здесь уже совершенно изгладилась.

Анне Григорьевне удастся заинтересовать своими поисками и племянника Федора Михайловича – Андрея Андреевича Достоевского [ОР РГБ. Ф. 93. Ед. хр. 46. Л. 16.], в ту пору секретаря Русского географического общества, в будущем ученого хранителя Пушкинского Дома, издателя и комментатора воспоминаний своего отца – ценнейшего источника информации о семье Достоевских [Воспоминания А.М. Достоевского, 1930]. Позже, как бы приняв эстафету исследований от вдовы писателя, Андрей Андреевич будет деятельно помогать создателю первого музея Достоевского Вере Степановне Нечаевой, на много лет свяжет его плодотворное сотрудничество и с Михаилом Васильевичем Волоцким. Именно племянник писателя познакомит автора «Хроники» с уникальным документом – письмом к Ф.М. Достоевскому его двоюродной сестры Н.Е. Глембоцкой, сообщавшим ценнейшие сведения о семье деда писателя [Материалы к биографии Достоевского, 2001]. Он же расскажет исследователю и о знаменитом «Богогласнике», напечатанном типографией Почаевской лавры еще в 1790 г. и содержащим духовную песню-акrostих «Достоевски». Автор указанного стихотворения до сих пор не установлен, однако им мог быть прадед Федора Михай-

ловича, владелец села Клечковцы под Ковелем, позже священник местечка Янушполь – Григорий Осипович Достоевский (умер после 1793 г.) или кто-либо из его детей – священник села Скала под Винницей – Иоанн Достоевский (род. в 1754 г. – умер после 1798 г.) или священник села Войтовцы Андрей Достоевский (род. в 1755 г. – умер после 1816 г., дед писателя). Для А.Г. Достоевской, боготворившей своего мужа, все, хотя бы в какой-то мере связанное с его именем, было свято. Можно не сомневаться, что над изучением родословия писателя она трудилась столь же самоотверженно, как и над его литературным наследием. Кончина этой замечательной женщины летом 1918 г. от малярии в оккупированной немцами Ялте оборвет ее подвижнический труд...

В 1920-х гг., уже в Советской России, выйдут две публикации С.В. Любимова [Любимов, 1922, 1924]. Сегодня их можно отнести к разряду хрестоматийных. Здесь не только впервые систематизированы свидетельства о более или менее известных представителях интересующего нас рода, но и с какой-то мистической прозорливостью указано, где именно искать свидетельства о ближайших предках писателя. Между тем, предположения этого замечательного исследователя, много лет остававшиеся не востребуемыми, начинают оправдываться только сейчас [Богданов, Роговой, 2008]. Статья Н.П. Чулкова «Род Достоевских» готовилась к печати в конце того же десятилетия и должна была войти в 36-й том «Летописи занятий Археографической комиссии». Увы, именно на этом томе выпуск «Летописи» прекратился, и теперь результаты разысканий одного из самых авторитетных отечественных генеалогов курьезнейшим образом существуют только в виде примечаний к «Воспоминаниям Андрея Михайловича Достоевского» и как «библиографические указания и выписки», растворившиеся в книгах последующих исследователей [Гроссман, 1935. С. 9, 15, 20; Волоцкой, 1933. С. 22–41].

Фундаментальный труд М.В. Волоцкого, вышедший в Москве летом 1934 г., стал своего рода кульминацией генеалогических разысканий о Достоевских. Так кто же его автор, и в каких условиях он создавался?

* * *

Михаил Васильевич Волоцкой родился 13 апреля (ст. ст.) 1893 г. в Ростове Ярославской губ. [Наука и научные работники СССР, 1930]. Отец будущего исследователя – Василий Николаевич – преподавал здесь словесность в городском начальном училище [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 77. Л. 1]. По

его линии Михаил Васильевич принадлежит к старинному дворянскому роду, ранние сведения о котором относятся к рубежу XV–XVI вв. С легкой руки В.В. Руммеля долгое время считалось, что основатель рода выехал из Польши [Энциклопедический словарь, Т. 7. С. 104]. Однако недавние разыскания показали, что Волоцкие – исконно русского происхождения [Гневашев, 2005]. До самого XX в. отпрыски этого рода селились в Вологодском крае, главным образом в окрестностях уездного центра Грязовца. Память о них до сих пор хранит усыпальница знаменитой Спасо-Прилуцкой обители (1830), более известная как церковь Св. Екатерины. По сведениям, полученным нами от петербургского генеалога Н.В. Новиковой, прямые предки Михаила Васильевича – дед Николай Алексеевич и прадед Алексей Кузьмич – были скромными военными, не выделяющимися из общей массы провинциального офицерства. Родство автора «Хроники» с известным переводчиком Николаем Аполлоновичем Волоцким или военным писателем генерал-майором артиллерии Николаем Викторовичем Волоцким (уже после отставки вольнослушателем окончившим филологический факультет Московского университета), весьма интересное в русле нашего рассмотрения, оказывается достаточно дальним. Вместе с тем, именно это обстоятельство указывает на некую общность «гуманитарных» интересов, как бы присущую всему роду Волоцких.

В 1918 г. М.В. Волоцкой оканчивает естественное отделение физико-математического факультета Московского университета (по специальностям антропология и география) с дипломом I степени и остается «для подготовки к профессорскому званию» при основоположнике отечественной антропологии профессоре Дмитрие Николаевиче Анучине [ГА РАН. Ф. 356. Л. 311–312; РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 77. Л. 1]. Стажировка продлится до 29 мая 1922 г.; за это время молодой исследователь примет участие в нескольких летних экспедициях Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (главным образом в Тульскую карстовую область), а также в Краснококшайский кантон Автономной Марийской области и в Городищенский уезд Марийской области [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 313–316]. Между тем, с осени 1920 г. в оправляющейся после революционных потрясений Москве начинает свою деятельность Русское евгеническое общество (Р.Е.О.). Созданное по инициативе профессора Николая Константиновича Кольцова (в ту пору уже одного из крупнейших отечественных биологов) Р.Е.О. было призвано развивать гуманистические идеи, высказанные на рубеже XIX–XX веков сэром Френсисом Гальто-

ном [Кольцов, 1922, 1929]. Правда, русских последователей знаменитого естествоиспытателя интересовала не столько практическая, сколько исследовательская сторона его программы биологического преобразования человечества. Основной базой Р.Е.О. в Москве стал евгенический отдел Института экспериментальной биологии Наркомздрава, возглавляемый гениальным русским антропологом Виктором Валериановичем Бунаком. В конце 1920 г. М.В. Волоцкой вливается в это научное подразделение [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 311–312]. За три последующих года (по февраль 1924 г.) будущий автор «Хроники» выступил на заседаниях Р.Е.О. с шестью научными сообщениями (30 декабря 1921 г., 19 мая 1922 г., 23 февраля, 20 апреля и 4 мая 1923 г., 1 февраля 1924 г.) [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 321]; часть из них была опубликована в главном печатном органе общества – Русском евгеническом журнале. Отметим, что доклад, состоявшийся 4 мая 1923 г., касался именно генеалогии Достоевских [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 78. Л. 6]. Той же теме было посвящено и выступление на заседании отделения Антропологии Коммунистической академии в декабре 1924 г. [ГА РАН. Ф. 350. Д. 286. Л. 190]. Важно подчеркнуть, что М.В. Волоцкой с уверенностью причислял себя к членам-учредителям Р.Е.О., до 1926 г. он входил в состав правления Общества, исполнял обязанности его секретаря и казначея [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 311–312]. Научные интересы исследователя группировались в это время вокруг так называемой «запретительной» евгеники, разрабатывающей медико-гигиенические меры, призванные воспрепятствовать вырождению человечества. Среди них особое значение придавалось принудительной стерилизации «наследственно дефективных», под которыми тогда понимались не только врожденные наследственные олигофрены (строго говоря, к деторождению чаще всего неспособные), но и люди, страдающие венерическими заболеваниями, алкоголизмом, эпилепсией (! – Н.Б.) или даже «закоренелые» преступники. Известная под именем «Индианской системы», эта стерилизация была законодательно закреплена в некоторых штатах Североамериканского союза (отсюда и название), а также в ряде стран Европы (к примеру – в Швеции и Норвегии). Идеи «негативной» евгеники и опыт их применения осмыслены М.В. Волоцким в его книге «Поднятие жизненных сил расы», вышедшей первым изданием в Москве в 1923 г. Следует сказать, что Михаил Васильевич был единственным сторонником «Индианской системы» в Р.Е.О. Все остальные его участники (а в их числе, разумеется, и Н.К. Кольцов) куда большее значение придавали как раз

другой, так сказать, «поощрительной» евгенике. В свою очередь, идея «культуры талантов» вызвала большой скептицизм у М.В. Волоцкого, в силу широко известной болезненной отягощенности семей многих гениальных личностей.

Осенью 1923 г., при не проясненных пока обстоятельствах, М.В. Волоцкой покидает Институт экспериментальной биологии [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 311–312]. С лета 1924 г. он уже сотрудник Государственного Тимирязевского научно-исследовательского института изучения и пропаганды диалектического материализма в составе Коммунистической академии [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 311–312]. Будущий автор «Хроники» состоит здесь в секции антропоэкологии отделения изучения биологических факторов социальных явлений, занимаясь, «главным образом, собиранием и изучением сведений о влиянии на человека климата и пищи, характера его деятельности, класса, профессии, быта и т.д.» [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 311–312; Труды Государственного Тимирязевского НИИ, 1925] Отметим, что генеалогические разыскания в роду Достоевских официально признаны как одно из направлений его научной деятельности. В августе 1925 г. и весной 1927 г. М.В. Волоцкого даже командируют в Ленинград для обследования семейных архивов рода знаменитого писателя, хранящихся в государственных и частных собраниях [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 328, 330]. В феврале 1930 г. он сообщает о некоторых результатах своих разысканий в докладе «Опыт генетического анализа некоторых элементов эпиплептоидного характера» [ГА РАН. Ф. 350. Д. 286. Л. 190]. К другим направлениям его научной деятельности следует отнести антропологические обследования студентов-физкультурников (в связи с данными психологической лаборатории П.А. Рубика) и работников умственного труда из числа сотрудников Академии наук, изучение изменчивости пропорций человеческой кисти у рабочих московских заводов (совместно с Институтом охраны труда) и даже кефалометрию выдающихся шахматистов (в том числе и участников международного московского турнира 1925 г.) [ГА РАН. Ф. 356. Д. 60. Л. 313–316]. Летом 1930 г. М.В. Волоцкой совершает поездку в Абхазию для обследования абхазцев, мингрелов и негров-метисов в составе экспедиции В.К. Гиндце [ГА РАН. Ф. 350. Д. 286. Л. 191]. К несчастью, здесь его настигает жесточайшая малярия, последствия которой будут сказываться в течении многих лет. С середины 1930-х гг. автор «Хроники» переключается на близнецовые исследования, ведущиеся в Медико-генетическом институте имени М. Горького [Волоцкой, 1936]. Как известно, это научное учреждение был раз-

громлено в годы сталинских репрессий, а его руководитель – С.Г. Левит – погиб в застенках НКВД. В последнее десятилетие жизни ученому удалось возвратиться в alma mater – в Музей и Институт антропологии МГУ. Теперь его исследовательская работа ведется, главным образом, в области морфологии и антропометрии кисти, а также индивидуальной, наследственной и географической изменчивости папиллярного рельефа человека (пальцы, ладони, стопы). И если публикации М.В. Волоцкого по «спорным вопросам евгеники» ныне имеют скорее исторический интерес (в конце жизни исследователь стал считать идею насильственного улучшения человечества аморальной), то работы по изучению волярного рельефа приматов (дерматоглифики) до сих пор не потеряли своего значения. Больше того, М.В. Волоцкой по-прежнему остается крупнейшим отечественным специалистом в этой области [Богданов, 2004. С. 223–289]. Увы, подготовленная исследователем монография «Эволюция волярного рельефа» так и не вышла из печати; какие-то фрагменты ее рукописи сохранились в архиве Музея и Института антропологии МГУ, но воссоздать по ним весь корпус книги сейчас, скорее всего, уже не удастся. В 1935 г. Квалификационная комиссия Наркомпроса утвердила исследователя в ученом звании старшего научного сотрудника. 1 февраля 1938 г. Советом МГУ ему была присуждена степень кандидата биологических наук (без защиты диссертации), а 23 апреля 1940 г. решением Высшей аттестационной комиссии Всесоюзного комитета по делам высшей школы при СНК СССР, он стал доцентом. С 1 декабря 1942 г. М.В. Волоцкой получал академическую пенсию [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 77. Л. 1].

Не будет преувеличением сказать, что в научных кругах тех лет Михаил Васильевич был фигурой харизматической. В разное время автору этих строк довелось слышать воспоминания о нем коллег по научной деятельности – А.А. Малиновского, Я.Я. Рогинского, Т.Д. Гладковой, М.И. Урысона, а также отпрысков рода Достоевских – Л.А. Спивак, Е.Г. Агарковой-Бабушкиной (в девичестве – Ивановых). Всем запомнилась какая-то особая атмосфера, окружавшая этого человека; его высокая фигура, сразу привлекающая к себе внимание (где бы ни происходила встреча – на лекции в университетской аудитории, в дворике ректорского корпуса на Моховой или просто на московской квартире), проникновенный взгляд удивительных темных глаз (знак греческой крови, доставшейся в наследство от бабки по отцу, урожденной Зограф). Много в нем было от носителя «старой», дворянской культуры. Недаром же, в среде млад-

ших коллег по научной деятельности Михаила Васильевича именовали не иначе, как «князь Волоцкой» и «с придыханием» передавали слухи о каких-то необычайных поступках, достойных скорее средневековых мыслителей и ученых, чем сотрудника МГУ. Простодушные мнения лишь подчеркивают, как тяжело жилось ученому в задыхающейся под тоталитарным гнетом стране, сколь велика была для него угроза ареста в страшную пору «ежовщины»...

В годы Великой Отечественной войны Михаил Васильевич не покинул осажденной Москвы. Вместе с немногочисленными коллегами он заботился о сохранности уникальных, собранных еще А.П. Богдановым и Д.Н. Анучиным коллекций Музея и Института антропологии при МГУ, дежурил по ночам на крышах московских домов. Осенью 1943 г., участвуя в эвакуации университета, он упал из кузова внезапно тронувшегося грузовика и получил сильнейшее сотрясение мозга. Его здоровье постепенно слабело, и 4 октября 1944 г. он скончался в одной из клиник Москвы от сердечной недостаточности. Могила исследователя на Ваганьковском кладбище не имеет надписи, но может быть отыскана по месту захоронения родственников его второй жены – Ольги Евгеньевны Никифоровой (участок № 14).

* * *

На антропологическом бланке внучатого племянника писателя Милия Федоровича Достоевского, ныне хранящемся в Музее и Институте антропологии МГУ, помечено – предложение заняться изучением рода Достоевских поступило от профессора Н.К. Кольцова 10 января 1922 г. [Архив М.В. Волоцкого] Дату первой беседы с М.Ф. Достоевским – 5 марта того же года – М.В. Волоцкой считал началом своей работы в этой области [Волоцкой, 1933. С. 20]. Таким образом, интересующий нас труд замышлялся и, на первых порах, осуществлялся как бы под эгидой Р.Е.О. Деятельность этого замечательного научного объединения до сих пор не получила достойной оценки. Однако возьмем на себя смелость утверждать, что по широте охвата, полноте и тщательности сбора материалов о человеке, уровень Р.Е.О. не только не превзойден последующей антропологической наукой, но и намного превышает современный. Генеалогические разыскания Общества (позволяющие понять, какую роль в формировании человеческой личности играют именно наследственные факторы) велись в родах Пушкиных, Толстых, Шафировых, Бакуниных, Муравьевых, Чаадаевых, Кропоткиных, кроме того, анализировались родос-

ловия Чарльза Дарвина, Федора Шаляпина, Максима Горького, Сергея Есенина [Кольцов, 1926]. Ценнейший материал о родственниках поэтов XX века был собран Г.Г. Фризенем [Пчелов, 2005]. Но только М.В. Волоцкому удалось собрать материал, достаточный для написания целой книги. О принципах, которыми руководствовался исследователь в своих разысканиях можно судить по вопросам его первого письма к племяннику писателя Андрею Андреевичу Достоевскому:

3 января 1924 г.

О каждом из членов рода Достоевских желательно было бы знать точно или приблизительно время рождения (особенно важно отметить случаи близнецов), вступления в брак, если умер, то смерти, с указанием причины последней. Кроме того, сведения о каких-либо отличительных чертах характера, вкусах, способностях, одаренности (наприм<ер,> литературной, музыкальной, научной), о странностях характера, а также и сведения об особенно тяжелых из перенесенных болезней, в особенности наследственного характера (алкоголизм, эпилепсия, слабоумие, душевные заболевания [по возможности с указанием формы заболевания и месте лечения], нервные подергивания, навязчивые идеи, менингит, рак, туберкулез, страсть к азартным играм и пр.). Из более мелких особенностей было бы интересно отметить, кто в роду был левша, отметив так же и тех, кто был левой только в детстве, а также тех, кто в одинаковой мере владеет обеими руками.

Хотя каждое сведение, проливающее свет на родословную, в данном случае может быть очень важным, проливая свет и на природу творчества и гениальности, однако, если бы Вы не пожелали, чтобы некоторые из Ваших данных были когда-либо опубликованы, то, пожалуйста, сделайте соответствующие указания, которые я обещаю Вам исполнить.

[ОР ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 264. Л. 2 об. – 3 об.]

Таким образом, исследователя интересовали не сухие биографические сведения, по давней традиции составляющие формализованную и, откровенно говоря, малоинформативную сущность большинства генеалогических трудов, а *личностные характеристики* представителей рода в биологическом, медицинском и психологическом аспектах. Забегая вперед, скажем – именно такой подход делает книгу М.В. Волоцкого уникальной. Кажется, этот труд не имеет себе равных ни в отечественной, ни даже в мировой литературе. Отметим, что на протяжении всего периода работы, книга называлась «Род Достоевских, в характерологическом освещении» [Труды Государственного Тимирязевского НИИ, 1925].

Причем эта характерология сопрягалась с морфологическими особенностями человеческого тела – несомненным (как показали замечательные работы немецкого психиатра Э. Кречмера) фундаментом психических черт личности. Важно подчеркнуть, что М.В. Волоцкой собрал огромное количество материалов и о личности самого Федора Михайловича [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 27–34]. Они должны были составить вторую часть его книги, увы, так и не увидевшую света. Лишь одна из глав, посвященная внешности гениального писателя, уже в наше время вошла в курьезнейшую (по авторскому составу) публикацию [Волоцкой, Вааз, 2001]. Знакомство с неопубликованными материалами убеждает в мысли: осуществись этот замысел, мы имели бы непревзойденное по полноте исследование, а в лице его автора – крупнейшего отечественного патографа или, если угодно, – характеролога.

Вместе с тем, совершенно очевидны и трудности, с которыми уже в самом начале работы столкнулся исследователь. В первую очередь укажем на трудности в получении информации. По обстоятельствам того времени – закрытость государственных архивов, недоступность многих печатных источников – М.В. Волоцкой часто был лишен возможности проверить или уточнить поступающие к нему сведения. Именно этим определяется большинство имеющихся в книге ошибок: чрезвычайно много искажений содержат, например, сведения, полученные от единственного представителя «подольской ветви» рода Достоевских Ф.Г. Добржанского [Богданов, 2004]. Много неточностей и в информации, сообщенной М.Ф. Достоевским, О.М. Бережновой, В.Д. Голеновской – вдовой Н.Н. Голеновского, по всей видимости, редактировавшей не только линию потомков младшей сестры писателя, но и линию Шеров. Подчеркнем, что большинство из них относится к сведениям чисто биографического порядка. Напротив, все психологические характеристики, основанные на документах – дневниках, письмах, автобиографиях и даже протоколах специальных исследований, заслуживают большого доверия. В ряде случаев исследователем был предпринят специальный анализ источников, как, например, при установлении даты рождения младшего сына писателя – Алеши. Важно отметить, что в поисках материала М.В. Волоцкой (живо интересовавшийся прояснением обстоятельств смерти Михаила Андреевича Достоевского) 8 июля 1925 г. совершил экспедиционную поездку в имение родителей писателя Даровое под Зарайском, где доживала свой век племянница Федора Михайловича Мария Александров-

на Иванова [Нечаева, 1985. С. 291–293]. К слову сказать, только благодаря инициативе исследователя был сохранен памятник с могилы матери Ф.М. Достоевского на Лазаревском кладбище, ныне хранящийся в Московском музее писателя и даже самые ее останки, переданные им в Музей и Институт антропологии МГУ. Последнее обстоятельство открывает возможность создания общего захоронения родителей писателя – на погосте Моногаровской церкви, располагающейся рядом с сельцом Даровым.

С другой стороны, работу серьезно осложняли проблемы, так сказать, этического характера. Определенный свет на них проливает уже цитированная переписка М.В. Волоцкого с А.А. Достоевским.

2 июля 1924 г.

<...> Я опасаясь, – признавался исследователь в одном из посланий, – что по тем материалам, которые я Вам послал, у Вас может составиться нежелательное для меня представление о моей работе. В частности, это относится к генеалогической таблице – в таком виде, с зачерненными алкоголиками, она предназначалась, разумеется, не для печати, а лишь для так называемого «менделеевского» (наследственного) анализа в узком кругу нашего О<бщест>ва.

[ОР ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 264. Л. 8 – 8 об.]

Понимая меру своей ответственности, М.В. Волоцкой пытался смягчать болезненные моменты сбора информации комментированием полученных им сведений, подчеркиванием научной значимости возникающих в результате его работы выводов:

Отдельные дегенеративные признаки представляют для меня, в данном случае, интерес лишь постольку, поскольку подтверждают связь гениальности и одаренности с вырождением, в то время как здоровая посредственность лишена как того, так и другого.

[ОР ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 264. Л. 8 – 8 об.]

Увы, бывали ситуации, когда конфликтов избежать все же не удавалось – вопрос о распространности алкоголизма в роду Достоевских вызвал замешательство у А.А. Достоевского [Нечаева, 1985. С. 286] и резко негативную реакцию племянницы писателя Екатерины Михайловны Достоевской.

Евгенический отдел составил родословную Достоевских, где о моем отце написано, что он был алкоголиком. Откуда они получили это известие? – возмущалась она в письме к В.С. Нечаевой. [Нечаева, 1985. С. 285].

В результате М.В. Волоцкой утратил ценнейший источник информации – Е.М. Достоевская бесповоротно отказалась помогать исследователю в его разысканиях. Но так ли уж грубо «евгенический отдел» исказил реальность? Прежде всего, зададимся вопросом: мог ли создатель «Хроники» рода писателя что-либо придумывать сам? Думается, ответ должен быть совершенно однозначным: конечно же, нет! Сведения о жизни М.М. Достоевского он получил, скорее всего, от его внука – М.Ф. Достоевского. Конечно же, информация, исходящая от человека, «мало интересовавшегося своим родом» [Нечаева, 1985. С. 281], могла содержать искажения. Но так ли это? Обратим внимание на причину смерти старшего брата писателя, зафиксированную в известном письме самого Федора Михайловича – «нарыв в печени» и «излияние желчи в кровь» [Волоцкой, 1933. С. 90], иными словами – речь идет о циррозе этого органа. Что за вредности могли привести к его развитию в то, относительно благополучное в экологическом отношении время? Думается, дальнейший анализ здесь – излишен. Тем более, что ситуация с Михаилом Михайловичем ничего не меняет в общей картине родословия. В глазах специалиста алкоголизм Достоевских – знак эпипептической окрашенности рода, а не постыдное проявление «бытовой распущенности» отдельных его представителей. Даже при исключении из этого списка старшего брата писателя бесспорными алкоголиками должны быть признаны его сын и внук – полные тезки своего предка, а также младший из братьев Достоевский – Николай Михайлович. Сведения об этом присутствуют в тексте «Хроники». Правду сказать, черновые материалы М.В. Волоцкого (опиравшегося на свидетельства М.Ф. Достоевского и некоторые другие источники) содержат куда больше имен, но к чему множить здесь этот список?

Некоторые представители медицины, – не без язвительности комментировал возникшую ситуацию А.А. Достоевский, – склонны считать чуть ли не классическими алкоголиками таких лиц, которые всю свою жизнь перед обедом выпивают по рюмке водки. Если считать алкоголиками этих последних лиц, то все Достоевские, без исключения, – алкоголики, ибо ни у кого из них не было органического отращения к спирту.

[Волоцкой, 1933. С. 95]

С этими рассуждениями нельзя не согласиться. Но вот свидетельство о племяннике писателя профессора Б.Ф. Адлера, к слову сказать, не включенное М.В. Волоцким в текст его книги:

Андрей Андреевич Достоевский – человек, несомненно, способный, даже талантливый, но с очень большой слабостью к алкоголю – почти всегда бывал выпивши, причем в этом своем состоянии он обычно впадал в заносчивый тон с окружающими, в силу чего имел много недоброжелателей, которые воспользовались смертью П.П. Семенова-Таньшанского, очень благоволившего к А.А., для того, чтобы удалить его из Русского Географического Общества.

[РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 25. Л. 463]

В таком случае становится понятным, почему весьма осторожную позицию к разысканиям М.В. Волоцкого первоначально занял и внучатый племянник Ф.М. Достоевского – профессор истории Юрий Алексеевич Иванов. Правда, познакомившись с «Хроникой рода Достоевского» уже после выхода ее из печати, он отказался от всех своих подозрений [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 64]. У Милия Федоровича Достоевского, напротив, отношение к работе М.В. Волоцкого менялось от спокойно-заинтересованного, по крайней мере, нейтрального – до резко отрицательного, прямо-таки обструкционистского [ГА РАН. Ф. 1820. Д. 575. Л. 1–3; РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 61. Л. 335]. Судя по всему, полностью уклонился от общения с исследователем внук старшего брата писателя экономист и историк Владимир Михайлович Владиславлев – личность весьма яркая. Правда, здесь он руководствовался своими резонами – его вообще не прельщали лавры родственника какой-либо знаменитости. По семейным воспоминаниям, он сильно негодовал на своих сестер, без особенного стеснения эволюционирующих из Бережновых, Жекулиных и Владиславлевых в Достоевских. Имеются основания полагать, что даже Андрей Андреевич Достоевский, много помогавший М.В. Волоцкому в его разысканиях, все-таки фильтровал важные для того сведения. Так, например, он скрыл факт смерти своей малолетней сестры Марии от эпилептических судорог. «Умерла от крупа» – только и значится в сообщенной им информации [Волоцкой, 1933. С. 176]. А ведь смерть несчастного ребенка подробно описана в воспоминаниях А.М. Достоевского, редактором и публикатором которых был Андрей Андреевич. Следовательно, он не мог не знать обо всех обстоятельствах столь печального события.

Новые обвинения обрушились на автора уже после выхода его книги из печати.

Итак, книга Волоцкого у Вас есть, – писала 4 февраля 1935 г. невестка Федора Михайловича –

Екатерина Петровна Достоевская – крупнейшему исследователю творчества Ф.М. Достоевского за рубежом – Альфреду Людвиговичу Бему. – Задумана она хорошо, но выполнить эту задачу, особенно заключение, Вол<оцкому> не удалось, по общему мнению и по нашему личному впечатлению. Много неточностей, даже в датах, некорректностей; так Ивановы дали материал, чтобы кое-что, наиболее нужное, было напечатано, а Вол<оцкой>, не уведолив их, напечатал все. Та же некорректность в отношении Андрея и меня. Считаю, что для характеристики Фед<ора> Фед<оровича> не так необходимо упоминать о моем личном разрыве с ним – начиная с 1916 года – и в особенности из-за детей, которых я не посвящала в свои личные переживания, я не углублялась в этот вопрос в разговоре с Вол<оцким>. Он же не считал нужным дать мне или Андрею просмотреть или прокорректировать тот лепет, кот<орый> наболтала Михаэлис о периоде, когда она не знала Фед<ора> Фед<оровича>; смешивая всеми уважаемого Рибопьера с какими-то полутемными (?) личностями Герц<енбергом> и Левенс<оном>, будто друзьями Фед<ора> Фед<оровича>, кот<орых> я, однако, за 13 лет моей совместной жизни никогда не видала у себя в доме.<...> Андрей изображен 16-ти летним мальчиком, когда это совсем зрелый и совершенно другой, сложившийся и много поработавший над собой человек, очень индивидуальный.

[Письма Е.П. Достоевской к А.Л. Бему, 2003. С. 218]

Возьмем на себя смелость сказать, что в данном случае некорректна сама Екатерина Петровна. С какой стати она или ее сын должны были бы «корректировать» воспоминания совершенно постороннего им человека? Конечно, по-человечески, переживания подобного рода понятны: для Екатерины Петровны было чрезвычайно неприятным одно только упоминание о гражданской жене ее бывшего мужа – Леокадии Стефановны Михаэлис. А ведь в книге приведены и посвященные той стихи – единственное, что уцелело от литературного наследия Федора Федоровича. Писались ли они в период его супружества с Екатериной Петровной? Посвящались ли ей? Качество воспоминания Л.С. Михаэлис оценит сам читатель; на наш взгляд, они – великолепны.

Увы, столь же предвзята Екатерина Петровна и в прочих своих обвинениях. Так, о дружбе Ф.Ф. Достоевского с В.О. Левенсоном свидетельствует хотя бы их совместная фотография 1883–1884 г. из альбома А.Г. Достоевской (ныне – в собрании Пушкинского Дома) [Письма Е.П. Достоевской к А.Л. Бему, 2003. Прим. 87]. Больше того, именно в этом качестве Василий Осипович упо-

мянут самой Екатериной Петровной в ее письме к М.В. Волоцкому от 5 апреля 1925 г. [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 58. Л. 14 об.] Текст этого послания даже вошел в «Хронику рода Достоевского!» (См.: с. 154.) Сведения о младшем внуке писателя в пору его юности в книге действительно отсутствуют, но были ли они предоставлены? Что же касается Ивановых, то с ними публикуемый материал М.В. Волоцкой, как раз таки, *согласовывал*.

На этом вопросе следует остановиться подробнее. Известно, что при публикации сведений о потомках младшей сестры писателя – Веры Михайловны, в замужестве Ивановой – у некоторых из них были изменены имена. Отмеченное обстоятельство коснулось лишь тех лиц, с которыми не удалось согласовать публикацию или у тех, кто действительно не хотел фигурировать в книге под своим подлинным именем [Письмо Л.А. Спивак, 1980]. Таковых персоналий всего три – это внучки В.М. Ивановой Вера (в книге – Анна) и Татьяна (в книге – Варвара), а также внук Сергей (в книге – Андрей). Однако претензии исходили вовсе не от них, а от их сестры Елены Алексеевны Ивановой. На протяжении многих лет (практически до самой смерти в 1972 г.) она распространяла слухи о каких-то, будто бы имевших место прегрешениях М.В. Волоцкого в ее отношении. Между тем, в книге она фигурирует под своим подлинным именем, хотя имела несомненную возможность изменить его, подобно сестрам; например, – как главный редактор «ивановской» ветви рода [Волоцкой, 1933. С. 20]. Больше того, имеются свидетельства, что исследователь оплатил ей (из своего гонорара) опубликованную в «Хронике» автохарактеристику «Моя жизнь» [Волоцкой, 1933. С. 265–288]. Интересно, что в своих письмах к М.В. Волоцкому Е.А. Иванова восставала лишь против неправильно приписанного ей письма на с. 264 («На меня напала мания Плюшкина...»), не заключающего в себе, как не трудно убедиться, ничего скандального. А в принадлежавшем ей экземпляре «Хроники» (ныне хранится у племянницы Елены Алексеевны Надежды Натановны Спивак) нет (за исключением одной мелочи) *никаких* исправлений. Известно, также, что после выхода книги в свет Е.А. Иванова не порвала отношения с исследователем. До самого августа 1944 г., она тиранила его письмами, полными душных интимных подробностей о своей жизни [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 61].

О том, насколько М.В. Волоцкой был осторожен с имеющейся у него информацией, говорит хотя бы следующий факт: в опубликованном тексте книги нет указания на одну анатомическую особенность М.Ф. Достоевского (правосторонний

крипторхизм) – ввиду ее, так сказать, весьма деликатного свойства. Между тем, в родословных таблицах этот человек отмечен специальным значком «конституциональные аномалии разные». Также отсутствует информация о том, что Ю.А. Иванов «временно находился на излечении в <психиатрической> клинике Гордина», поскольку тогда это составляло врачебную тайну [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 25. Л. 471].

О щепетильности исследователя свидетельствуют и следующие фрагменты его писем к Андрею Андреевичу Достоевскому:

9 апреля 1927 г. (черновик)

<...> Мне очень жаль, что я не посмотрел у Вас таких интересных вещей, как переписка Марии Федоровны и Михаила Андреевича (родителей писателя – Н.Б.). Это мне очень было бы интересно даже в том случае, если бы Вы не дали разрешения использовать ее в моей работе.

[РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 45. Л. 2]

13 ноября 1924 г.

Если Вы увидите ее (Екатерину Михайловну Достоевскую – Н.Б.), то передайте, пожалуйста, что я очень прошу ее, так сказать, благословения на включение в родословную Достоевских Игоря Лури (сын внебрачной дочери Ф.М. Достоевского-младшего – Н.Б.). Относительно Прасковьи Ивановны <Аникиевой> и ее сына (от старшего брата писателя – Н.Б.) Ивана я не настаиваю. Я их знаю только по именам, и изъятие их не убавит ничего от моей работы. Но Игорь Лури интересен для меня как музыкант, а одной из характернейших черт Достоевских является как раз музыкальность.

[ОР ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 264. Л. 19 – 19 об.]

Знакомство с текстом «Хроники» обнаруживает, что ее автору удалось отстоять обоих. Благодаря этому оказываются возможными генеалогические разыскания в чрезвычайно интересном направлении. Дело в том, что еще в мае 1915 года в одной провинциальной «ежедневной политической, общественной и литературной газете» были напечатаны фотографии Ф.М. Достоевского, «найденные в ростовском сиротском суде» [«Утро Юга», 1915]. Понятно, что их публикация могла состояться только по причине широчайшей известности имени Федора Михайловича. Между тем, на оборотной стороне одной из фотографий имелось послание (факсимильно воспроизведенное публикаторами), из которого со всей определенностью следует, что на них изображен не сам писатель, а его племянник – Федор Михайлович-младший! Указанное письмо адресовано «брату

Ване». Резонно предположить, что этим человеком является не кто иной, как внебрачный сын М.М. Достоевского Иван Аникиев, следы которого, казалось, были безвозвратно потеряны для исследователей.

Переписка А.А. Достоевского с М.В. Волоцким обнажает и еще одно, возникшее в период работы над книгой осложнение. Увы, от подобных неприятностей и ныне не застрахован ни один исследователь:

22. IX. 1928 г. Москва.

Когда Вы были в Ленинграде, кажется, в 1925 г., то я просил Вас, – гневался племянник писателя, – чтобы те выписки из неизданных воспоминаний моего отца, которые я Вам сообщил еще раньше специально для Вашей работы о Достоевских, оставались только у Вас и чтобы Вы их никому не передавали. Вы тогда мне обещали это. Вчера, просматривая новую книжку Л.П. Гроссмана «Достоевский на жизненном пути», я был очень неприятно удивлен, увидев некоторые из моих выписок, сообщенных мною специально Вам, напечатанными в названном издании. В особенности меня поразило, что описание убийства Михаила Андреевича <Достоевского> целиком вошло в книгу Гроссмана.

Л.П. Гроссман то ссылается на Вас, то прямо указывает на неизданную рукопись воспоминаний Андрея Михайловича <Достоевского>, которой он никогда не видел. Очевидно, только Вашей неосторожностью и неопытностью можно объяснить этот неприятный случай.

Я очень прошу Вас еще раз никому впредь не давать ни для прочтения, ни для копирования моих выписок из рукописи Андрея Михайловича, которые я сделал Вам в 1924 г. доверительно и исключительно для Вашей работы.

Еще более меня поразило, что исторические разыскания о Достоевских, которыми Вас снабдил Николай Петрович Чулков (об этом Вы мне и говорили, и писали, и говорил мне сам Николай Петрович) вошли в «хронологическую канву» под Вашим именем, без единого указания на труд Н.П. Чулкова.

Вы, конечно, уже извинились в этом перед Николаем Петровичем, а если, паче чаяния, этого еще не сделано, то я настоятельно рекомендовал бы Вам поторопиться с этим.

Очень прошу Вас, дорогой Михаил Васильевич, принять настоящее письмо не за casus belli, а исключительно лишь как добрый совет, который я считаю себя вправе Вам предложить как человек, значительно старший Вас годами. Надеюсь, также, что наша переписка по поводу Вашей работы <...> не прекратится.

[РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 56. Л. 24–25]

Видел бы Андрей Андреевич «оригинальные» работы современных авторов!

К великому сожалению, рассмотренные выше трудности были не только не единственными, но даже и не самыми главными. Куда серьезнее были проблемы иного рода. Поскольку М.А. Достоевскому удалось вновь утвердиться в дворянском сословии, на судьбах его потомков не могли не сказаться роковые события начала XX века. Так, например, 27 июля 1919 г., как заложник из числа бывших офицеров, был расстрелян внучатый племянник писателя Дмитрий Николаевич Голеницкий [ОР ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 371. Л. 30; РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 25. Л. 1157]. Буквально несколькими днями раньше в селе Красном под Ярославлем пьяные милиционеры закололи штыками обличавшего их действия мужа внучки Андрея Михайловича Достоевского Сергея Николаевича Ленина [Штейн, 1997]. Между тем, по какой-то жуткой иронии судьбы, именно от отца Сергея Николаевича получил свой партийный псевдоним, позже ставший второй фамилией, «пламенный вождь» мирового пролетариата. Правда, в 1926 г. семья С.Н. Ленина получила от Правительства СССР персональную пенсию. Однако дело было в том, что Сергея Николаевича признали «пионером введения сельскохозяйственного машиностроения в России» [«Вечерняя Москва», 1926]. Теснейшим образом с Белым движением в Сибири оказался связанным и Юрий Алексеевич Иванов. Правда, к его счастью, сведения об этом стали известны органам государственной безопасности только весной 1943 г. Тогда же Ю.А. Иванов был осужден на пять лет лагерей, но это уже история другого времени [Богданов, 2006а].

С конца 1920-х на представителей интересующего нас рода вновь обрушились репрессии. Так, например, летом 1929 г. из Донского политехнического института «за дворянское происхождение» был отчислен внук писателя Андрей Федорович Достоевский [Польская, 1995]. Продолжать образование пришлось в Ленинграде. Однако очень скоро, 14 ноября 1930 г. по печально известному «Делу академиков» здесь был арестован только что приютивший племянника Андрей Андреевич [Следственное дело № 173]. Его освобождение стало возможным лишь благодаря хлопотам А.Ф. Достоевского, заступничеству А.В. Луначарского и ... приближающемуся 110-летию со дня рождения Федора Михайловича! Тем поразительнее факт: до распада в 1991 г. Советского Союза все кровные родственники писателя жили на территории этой страны! Исключение составил только Феодосий Григорьевич Добржанский, отказавшийся вернуться из научной командировки в США.

Письмо ученого к академику Н.И. Вавилову от 10.VIII. 1931 г. с сообщением о принятом им решении было написано в чрезвычайно резкой форме [Вавилов, 2000]. Результатом стал тяжкий ярлык «невозвращенца», воспрепятствовавший приезде Ф.Г. Добржанского на родину даже после «хрущевской оттепели»...

Несомненно, М.В. Волоцкой не мог и думать об обнаружении всех этих сведений. Тем не менее, он попытался, на наш взгляд, сохранить для будущих исследователей хотя бы намек на произошедшие события. Так, например, в биографической справке о С.Н. Ленине указаны только годы его рождения и смерти [Волоцкой, 1933. С. 179]. Однако несколькими страницами дальше, в информации о старшей дочери С.Н. и А.М. Лениных специально отмечено, что тринадцатилетняя девочка «умерла от нервного расстройства, вызванного смертью отца» [Волоцкой, 1933. С. 183]. О Ф.Г. Добржанском сказано, что в 1928 г. он находился в научной командировке в Америке, «где работал по генетике дрозофилы в лаборатории Моргана при Нью-Йоркском Columbia University» [Волоцкой, 1933. С. 64]. Пытаясь как-то смягчить «не созвучность эпохе», автор «Хроники» несколько усилил «революционное прошлое» некоторых представителей исследуемого им рода. Таковым, например, показан дядя Ф.Г. Добржанского по матери Иван Васильевич Войнарский, якобы посланный в Сибирь «по делу убийства Вел. Кн. Сергея Александровича» [Волоцкой, 1933. С. 63]. Однако даже простое размышление над фактами его биографии показывает невозможность такого жизненного пути. В самом деле, как можно за три-четыре года пройти арест, ссылку, полный курс обучения в Томском университете? Больше того, согласно Ф.Г. Добржанскому, перед смертью (в 1909 г. или в 1908 г. [Воспоминания Ф.Г. Добржанского, 1960]) его дядя успел возвратиться в некогда покинутый им Киев, жениться и даже дождаться рождения детей (в 1907 г.). Не меньшие сомнения вызывает и факт расстрела деникинцами Петра Васильевича Войнарского. Новые архивные разыскания позволили прояснить эти вопросы, однако их рассмотрение выходит за рамки нашей статьи [Богданов, 2000, 2004].

Роспуск Н.К. Кольцовым в 1930 г. Русского евгенического общества и реорганизация Тимирязевского института можно считать своего рода сигналами, сколь небезопасными после «великого перелома» стали дальнейшие изыскания в этом направлении. Однако М.В. Волоцкой продолжает свой подвижнический труд.

Что касается моей книги, – пишет он 18 сентября 1930 г. А.А. Достоевскому, – *то она, по-ви-*

димому, пока застряла. Очень уж туго переживается противоречие между ее размерами, с одной стороны, и недостатком бумаги – с другой. Но я не унываю и продолжаю предпринимать различные шаги к ее изданию. В частности, не оставляю мысли о возможности ее издания при Академии наук.

[ОР ИРЛИ. Ф. 56. Ед. хр. 264. Л. 21 об.]

Несомненно, столь долгий путь книги к читателю связан и с трудностями цензурного характера. О них, в частности, упоминает в своей, откровенно говоря – малосодержательной заметке о Достоевских, обосновавшийся в «вольных» Афинах генеалог В.С. Арсеньев [Арсеньев, 1934]. 24 октября 1930 года автор «Хроники рода Достоевского» обратился с письмом к А.В. Луначарскому (в то время председателю Ученого комитета при ЦИК СССР):

Многоуважаемый Анатолий Васильевич! Моя работа «Род Достоевских в характерологическом освещении» находится сейчас в Комакадемии, где имеется возможность ее издания. В ближайшее время должен решиться вопрос о ее судьбе. В этот момент Ваше слово могло бы значить так много, что я обращаюсь к Вам с просьбой еще раз оказать свою помощь в таком трудном и длительном рождении моей работы на свет. Если бы удалось двинуть дело быстрым темпом, то есть еще надежда, что книга выйдет в юбилейном 1931 году. Я надеюсь также, что она выйдет с обещанным Вами предисловием. Уважающий Вас, М. Волоцкой. Москва, Софийская наб., 10, кв. 8.

[РГАСПИ. Ф. 142. Д. 668. Л. 6]

Как мы знаем, книга вышла только через три с лишним года, под редакцией М.А. Цявловского (с предисловием психиатра П.М. Зиновьева), в доживающем последние дни кооперативном издательстве «Север». Каково же значение собранной здесь информации?

Прежде всего, оно – в обилии, многообразии и достоверности большинства собранных фактов. Фактов, которые каждый обращающийся к книге исследователь может использовать в зависимости от стоящих перед ним задач. С одной стороны – это сведения биографического характера. К примеру, информация, почерпнутая из «Хроники», в явной или скрытой форме присутствует во множестве популярных и строго научных изданий, так или иначе касающихся жизни и творчества писателя. Ею полны беллетризованные биографии Федора Михайловича, написанные Ю. Селезневым (1981) и Л. Гроссманом (1965), книга В.С. Нечаевой «В семье и усадьбе Достоевских» (1939), фун-

даментальное исследование И.Л. Волгина «Родиться в России» (1991), «Летопись жизни и творчества писателя» (1995), указатель имен к томам Полного собрания сочинений Ф.М. Достоевского, выпущенного Институтом русской литературы (Пушкинским Домом) в 1972–1990 гг. и др. Между прочим, в последнем источнике дата смерти племянницы писателя – Варвары Андреевны Савостьяновой – после 1933 г. [Достоевский, 1986] – указана явно с оглядкой на «Хронику». А ведь могила этой женщины сохранилась на Смоленском кладбище в Петербурге. Материалы М.В. Волоцкого заинтересовали и профессора Рене Миллера, они должны были войти в издающийся им в Вене сборник о писателе [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 78. Л. 6]. Увы, судьба этой публикации нам неизвестна.

Вместе с тем, содержащаяся в книге информация полностью опровергает слухи о возможном родстве с Федором Михайловичем известного российского предпринимателя Александра Павловича Владиславлева или замечательной актрисы Театра Советской Армии в Москве Любови Ивановны Добржанской, и по сей день витающие вокруг имени этих людей. Точно также, не является родственницей писателя и жительница города Пинска Маргарита Петровна Паутова, якобы происходящая от родной сестры матери Федора Михайловича Марфы (фигуры абсолютно мифической), героиня сенсационных публикаций в различных провинциальных изданиях [Яруцкий, 1998; Шапиро, 1997]. Хранящаяся в семье М.П. Паутовой фотография Ф.М. Достоевского (якобы с его автографом), по сути, является пересъемкой, выполненной в московском ателье И. Александровского уже после смерти писателя. Увы, не встраивается в родословную Достоевских и Сергей Николаевич Достоевский, отец которого сумел доказать в Путиловском сельсовете Оленинского района Калининской области (1930 г.), что его дед Евдоким Дмитриевич в свое время носил столь прославленную фамилию. По нашим данным (включающим и информацию ГИЦ МВД РФ), следы «неучтенных» Достоевских отмечаются в Москве, Петербурге, Астрахани, Валдае, Нарве, Кишиневе, Таргане, Мелехузовском районе Башкирии и Волжском районе Марийской автономной республики. Однако, единственными, кто может всерьез претендовать на родство с великим писателем, оказывается житель Киева Павел Петрович Достоевский (в прошлом – главный ветеринарный врач Украины) и его одесские родственники [Богданов, 2004].

С другой стороны, собранные М.В. Волоцким сведения позволяют проводить широкий анализ, так сказать, по «специальным» вопросам меди-

ко-биологического профиля. Прежде всего, не остается никакого сомнения в том, что знаменитый писатель страдал именно *эпилепсией*. Со всеми вытекающими отсюда последствиями! В этом свете выглядит совершенно нелепой затеянная в начале 1990-х гг. псевдонаучная, домогательская компания петербургских врачей Н.И. Моисеевой [Моисеева, 1993, 1996] и О.Н. Кузнецова [Кузнецов, 1996] по какому-то «очищению» светлого имени Федора Михайловича от «тяжкого клейма» эпилепсии. У нас нет желания критиковать их работы, написанные ниже всякой критики. Жаль, только, что они уже ввели в заблуждение лишенных медицинских знаний филологов [Белов, 2001]. Обратимся к другим, более частным вопросам. В разное время авторитетнейшие исследователи в области медицины С. Давиденков (для которого наличие у Достоевского эпилепсии не подлежало никакому сомнению [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 54] и В. Эфроимсон [Эфроимсон, Блюмина, 1978] использовали материал «Хроники» для обоснования своих гипотез о типе наследования этого заболевания. В книге М.В. Волоцкого можно найти подтверждение и любопытнейшего факта, еще в 1930-е гг. тонко подмеченного немецким неврологом К. Конрадом – в эпилептических семьях чаще, чем где-либо рождаются дизиготные (разнойцевые) близнецы [Congrad, 1935]. Между тем, в роду Достоевских на 161 роды от поколения родителей Федора Михайловича до его правнука – Дмитрия Андреевича Достоевского – приходится 6 пар близнецов (из них 4 – разнополых, т.е. однозначно – дизиготных). Это составляет около 3.7%, в то время как в России и странах Европы на рубеже XIX–XX вв. близнецов (причем, как дизиготных, так и монозиготных) рождалось всего около 1% (Энциклопедический словарь. Т. 4. С. 83; Фридрих В. Близнецы. 1985). Факт замужества сестры писателя Варвары Михайловны за эпилептиком Петром Андреевичем Карепиным может служить ярким примером так называемой «ассортативности» браков, когда супружеские союзы чаще заключаются между людьми, сходными в отношении морфологических (рост, цвет кожи и проч.) или психических черт. Много эпилептиков было и в роду Рыкачевых [РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 25. Л. 1042]. Между прочим, эпилептоидные черты характера обнаруживаются и у второй жены писателя Анны Григорьевны, и у ее невестки Екатерины Петровны, и даже у возлюбленной Достоевского Апполинии Сусловой. Вообще говоря, обрисованная М.В. Волоцким характерология показывает в какой мере сам Федор Михайлович является, так сказать, плотью от плоти своего рода. Несколько огрубляя картину, можно даже

говорить, что в роду Достоевских нет ни одного типичного качества, которое, хотя бы в смягченном виде, не обнаружилось бы и у самого яркого его «выдвиженца». Точно также, и все личностные особенности Федора Михайловича присутствуют хотя бы у нескольких его кровных родственников. Другое дело, что, будучи феноменально одаренной личностью, писатель часто оказывался гораздо мудрее и выше своего родственного окружения.

Характерологический анализ рода, предпринятый самим М.В. Волоцким, содержится в заключительной главе его «Хроники». С одной стороны, он построен на достижениях бурно развивающейся в то время генетики, с другой – на представлениях о связи телосложения с психическими характеристиками личности, сформулированными ранее знаменитым немецким психиатром и психологом Эрнстом Кречмером. И, хотя, некоторые допущения М.В. Волоцкого (как, например, детерминация отдельных черт человеческой личности единичными генами) сейчас можно считать однозначно устаревшими, никаких более серьезных возражений (по крайней мере, у автора этих строк) его рассуждения и выводы вызвать не могут.

Но разумеется, род Достоевских интересен, прежде всего, своей обширной и разнообразной одаренностью! Так, например, литературным даром обладали старший брат писателя Михаил Михайлович, дети – Любовь Федоровна и Федор Федорович, внучатые племянники Владимир Михайлович Владиславлев и Юрий Алексеевич Иванов, правнучатая племянница Вера Сергеевна Ленина и многие другие. Творчество большинства из них отражено на страницах «Хроники». Интересно отметить, что в своих литературных вкусах и В.М. Владиславлев и Ю.А. Иванов (подобно замечательному поэту «Серебряного века» графу Василию Комаровскому) явно тяготели к лапидарной античной поэзии. В творческом наследии обоих имеются талантливые стилизации в духе древних авторов. Кроме того, В.М. Владиславлев оставил еще и переводы из Катуллы, Марциала и Бибакула [Венгеров С.А. Критико-биографический словарь. 1897–1904.], а Ю.А. Иванов – из Авзония (опубликованы в журнале «Гермес». 1912. № 12). Отметим заодно (разумеется, не называя имен), что среди родственников Федора Михайловича нередко были и люди с огромной тягой к литературному творчеству, но, к сожалению, не имевшие к тому никакого таланта. Думается, это наблюдение важно для понимания природы творческого гения. Ведь его характерными чертами являются не только врожденная способность делать что-либо много лучше других, но и неукротимое стрем-

ление к реализации этой способности. Что, если эти качества определяются различной наследственной детерминацией?

Еще более выраженной оказывается в роду Достоевских музыкальная одаренность – здесь мы с полным правом можем указать на уже упомянутого старшего брата писателя, его сыновей Михаила и Федора, а также на дочь последнего Татьяну. Кроме того, несомненными способностями к музыке обладали племянница писателя Мария Александровна Иванова и его более отдаленные родственники – Инна Владимировна Иванова, Александр Владимирович и Михаил Владимирович Владиславлевы, а также Игорь Борисович Лури и Ирина Владимировна Достоевская (Крюкова). Столь же высока в роду и художественная одаренность. Известно, например, каким прекрасным рисовальщиком был все тот же М.М. Достоевский-старший. Профессиональными художниками стали его прямые потомки Вера Александровна и Евгения Александровна Владиславлевы, а также дочь первой Татьяна Петровна Юрченко, ныне проживающая в Киеве. Яркий талант карикатуриста прорезался в свое время у внука писателя Андрея Федоровича Достоевского. Между прочим, исследователи творчества Федора Михайловича неоднократно подчеркивали, сколь замечательны его собственные рисунки! Наконец, стоит отметить и научную одаренность интересующего нас рода. В подтверждение сказанного достаточно назвать имена приват-доцента Военно-медицинской академии Александра Андреевича Достоевского – первым описавшего гаплоидный набор хромосом в половых клетках аскариды и Феодосия Григорьевича Добржанского – одного из крупнейших генетиков XX века. Мария Владимировна Савостьянова получила степень доктора физико-математических наук, а Лев Иванович Балабух – доктора технических наук. Талантливыми историками были уже упоминавшиеся Юрий Алексеевич Иванов и Владимир Михайлович Владиславлев. В их число следует добавить и Андрея Михайловича Рыкачева. Знакомство с творческим наследием Милия Федоровича Достоевского обнаруживает, что творческий диапазон этого замечательного искусствоведа был едва ли не безграничен! [Богданов, 2006]

Право, обозревая общую картину фамильного древа Достоевских, невольно ловишь себя на мысли, что замечательная книга М.В. Волоцкого, в своем роде, – творение антиевгеническое. В самом деле, талант и болезнь (вообще говоря, отнюдь не имманентно присущие друг другу явления) подчас чрезвычайно тесно переплетаются в родах гениев. Так тесно, что их уже невозможно отделить

друг от друга, как невозможно, например, разделить пальцы крепчайшим образом сцепленных рук, переплетенные ветви или корни деревьев. И волевые попытки разрешения этой проблемы чреватые самыми плачевными последствиями. Положа руку на сердце, много ли мы знаем о природе таланта? Или о путях и причинах наследственной патологии? И чем нам придется руководствоваться при осуществлении, так сказать, коррекционных мероприятий? Вряд ли будет преувеличением считать, что по уровню своих знаний в этих областях человечество пока еще пребывает в периоде младенчества. Кажется, к подобным выводам пришел в конце своей жизни и сам автор «Хроники рода Достоевского».

* * *

25 августа 1934 г. Леонид Петрович Гроссман, вероятно получив причитающийся ему экземпляр книги о роде Достоевского, писал ее автору:

Шлю искреннее спасибо, многоуважаемый Михаил Васильевич, за Ваш исключительно ценный для меня подарок. Сердечно приветствую Вас с выходом Вашего долголетнего труда, несомненно, составляющего эпоху в изучении Достоевского. С громадным интересом перечел знакомые мне благодаря Вашей товарищеской любезности, материалы, проливающие столько света в истории жизни и творчества Достоевского. Это образцовая работа, увлекающая новизной постановки главной темы и свежестью собранных материалов. От всей души желаю Вам, себе и всем «достоевцам» скорейшего выхода второго тома!

[РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 53. Л. 1]

Приблизительно в это же время дает свой отзыв на книгу и Георгий Иванович Чулков, председательствующий в комиссии по творческому наследию Ф.М. Достоевского. Полностью не приняв имеющегося здесь «характерологического анализа» (как «обусловленного сомнительными «достижениями» психопатологической методологии»), бывший идеолог «мистического анархизма» все же не мог не признать, что первые одиннадцать глав «Хроники» «представляют интереснейший материал, прежде всего для историка и социолога», благодаря чему «книга М.В. Волоцкого в своей документальной части является богатым вкладом в нашу научную литературу» [РГАЛИ. Ф. 548. Ед. хр. 177. Л. 3–4]. Что ж, негативное отношение к психопатологическому или, точнее, патографическому анализу человеческой личности было в то время, можно сказать, общим местом. Недаром, ведь, со всех сторон лились упомогающие речи о перевоспитании человеческой

природы, какой-то неустанной работе с «человеческим материалом», созидании «нового человека». Роль социальных (а если шире, – то средовых) факторов в формировании психики – несомненна. Вряд ли можно спорить и с тем, что воспитание призвано смягчать негативные проявления человеческих характеров. Но удастся ли при этом переделать один темперамент в другой? На наш взгляд, с таким же успехом можно говорить о перевоспитании зайцев в кроликов, а петрушки в герань! Впрочем, недоброй памяти идеи Лысенко и Лепешинской расцветали как раз в то печальное время...

* * *

Среди бумаг М.В. Волоцкого, хранящихся в РГАЛИ, имеется и маленькая газетная вырезка с анонимной рецензией на книгу Николая Ашукина «Живой Пушкин». Выпущенная в 1926 г. книга Ашукина представляла собой некий свод документальных свидетельств о поэте и в этом смысле может рассматриваться в качестве своеобразного предшественника «Хроники рода Достоевского». Приведем небольшой фрагмент заинтересовавшей нас рецензии, специально выделив фразы, подчеркнутые на полях, надо думать, рукой самого Михаила Васильевича:

Работа интересная и вместе с тем крайне трудная. Биографический материал достаточно богат, но полон противоречий, что понятно, если вспомнить, какой многогранной и страстной натурой был Пушкин. От составителя «исторической мозаики» требовались величайший такт и чувство меры. Он должен был отобрать материал таким образом, чтобы все эти противоречия не исключали друг друга, а лишь еще более рельефно и выпукло обрисовывали своеобразную фигуру поэта.

[«Известия», 1926]

Не правда ли, отмеченные строки отражают и атмосферу, в которой писался фундаментальный труд о роде Достоевского? И разве его автор не создал (там, где это было возможно) замечательные по своей полноте и объему характеристики многочисленных родственников писателя? Таким образом, нельзя не согласиться с С.Н. Давиденковым, писавшим М.В. Волоцкому после ознакомления с его книгой:

Я думаю, что это именно тот тип литературы, который нужен будет для всех наших выдающихся людей.

[РГАЛИ. Ф. 117. Ед. хр. 54]

Благодарности

Автор выражает искреннюю признательность П.П. Достоевскому, А.Я. Достоевской, В.Н. Захарову, И.А. Захарову, Н.В. Новиковой, Н.В. Паншеву, Е.В. Пчелову, Т.Ю. Соболю, Б.Н. Тихомирову, Т.В. Томашевич, Е.А. Чернецкому за сообщении ценнейшей для него информации, он также благодарен И.Л. Волгину за предоставленную возможность ознакомиться с курьезной публикацией в газете «Утро Юга».

Библиография

Сокращения:

ГА РАН – Государственный архив Российской академии наук.

ОР ИРЛИ – Отдел рукописей Института русской литературы, Санкт-Петербург.

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки, Москва.

РГАЛИ – Российский государственный архив литературы и искусства.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории России.

Арсеньев В. К происхождению Ф.М. Достоевского // Новик, 1934. Вып. 2. С. 16–17.

Архив М.В. Волоцкого. Музей и Институт антропологии МГУ. Сообщено Т.В. Томашевич.

Белов С.В. Энциклопедический словарь «Ф.М. Достоевский и его окружение». СПб, 2001. Т. 1. С. 254, 262, 298.

Богданов Н.Н. Его родословная. (К 100-летию Ф.Г. Добрянского) // Природа. 2000. № 12. С. 65–67.

Богданов Н. Типология индивидуальности. М., 2004. С. 223–289.

Богданов Н.Н. «Кровь» Достоевских. Из разысканий об украинских родственниках писателя // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2004. С. 333–334.

Богданов Н.Н. Правда и ложь о жизни и смерти Милия Достоевского // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2006. С. 422–433.

Богданов Н.Н. Поэт, «исполненный желчи» // Достоевский и современность. Великий Новгород, 2006а. С. 433–441.

Богданов Н.Н., Роговой А.И. Родословие Достоевских: в поисках утерянных звеньев. М.: Акрополь, 2008.

Вавилов Н.И. Научное наследие в письмах. М.: Наука, 2000. Т. III. С. 173.

Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб, 1897–1904. Т. VI. С. 260.

«Вечерняя Москва». № 134 (742). 14 июня 1926 г.

Волгин И. Родиться в России. Достоевский и современники: жизнь в документах. М.: Книга, 1991. С. 8–105.

Волоцкой М.В. Хроника рода Достоевского. М.: Север, 1933. С. 22.

Волоцкой М.В. К вопросу о генетике папиллярных узоров пальцев // Труды Медико-генетического института им. М. Горького. Вып. 4. 1936.

Волоцкой М.В., Вааз С.Л. Ф.М. Достоевский. Наружность и телосложение // Человек есть тайна. Саратов: Летопись, 2001. С. 26–48.

Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1930.

Воспоминания Феодосия Григорьевича Добрянского. 1960-е гг.(?). На английском языке. Рукопись. Копия в архиве Н.Н. Богданова.

ГА РАН. Ф. 356. Оп. 3. Д. 60. Л. 311–312, 313–316, 321, 328, 330.

ГА РАН. Ф. 350. Оп. 3. Д. 286. Л. 190, 191.

ГА РАН. Ф. 1820. Оп. 1. Д. 575. Л. 1–3.

Гневашев Д.Е. К начальной истории вологодского дворянского рода Волоцких. Рукопись. 2005. Сообщено Н.В. Новиковой.

Гроссман Л. Жизнь и труды Ф.М. Достоевского. М.; Л.: Academia, 1935. С. 15.

Гроссман Л. Достоевский. Серия биографий. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1965. С. 7–9.

Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1986. Т. 29. Кн. 2. С. 357.

Достоевский в изображении своей дочери. СПб.: Андреев и сыновья, 1992. С. 21.

Жизнь князя Андрея Михайловича Курбского в Литве и на Волыни. Киев, 1849. Т.1. С. 94–95; Т. 2. С. 14–15, 19.

«Известия». № 14 (2645). 17 января 1926 г.

Кольцов Н.К. Улучшение человеческой породы // Русский евгенический журнал. 1922. Т. 1. Вып. 1. С. 2–27.

Кольцов Н.К. Родословные наших выдвинутых // Русский евгенический журнал. 1926. Т. 4. Вып. 3–4. С. 103–143.

Кольцов Н.К. Евгеника // Большая медицинская энциклопедия. 1-е изд. Т. 9. М., 1929. С. 663–670.

Кузнецов О. Зонды и Достоевский. Психология судьбы. Теоретические, экспериментальные, психотерапевтические, религиозные и эстетические проблемы // Психология судьбы. Сб. статей по глубинной психологии. Екатеринбург, 1996. Вып. 4. Часть 2. С. 123–147.

Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского. Т. 1–3. СПб.: Академический проект, 1995.

Любимов С. Ф.М. Достоевский. (К вопросу о его происхождении) // Литературная мысль. Кн. 1. Пг. 1922. С. 208–210.

Любимов С. К вопросу о генеалогии Достоевского // Достоевский. Статьи и материалы под ред. А.С. Долинина. Л., 1924. Т. 2. С. 303–308.

Материалы к биографии Ф.М. Достоевского. Письмо Н.Е. Глембоцкой // Достоевский: материалы и исследования. СПб., 2001. Вып. 16. С. 405–408. Подготовка текста Н.Ф. Будановой и Н.Н. Богданова. Вступительная заметка и примечания Н.Н. Богданова.

Моисеева Н.И. Был ли Достоевский эпилептиком? История одной врачебной ошибки // Знамя. 1993. № 10. С. 199–204.

Моисеева Н.И. Ошибка в биографии Ф.М. Достоевского // Вопросы литературы. 1996. № 4. С. 321–332.

Наука и научные работники СССР. Часть 4. Научные работники Москвы. Л., 1930. С. 53–54.

Нечаева В.С. В семье и усадьбе Достоевских. М.: Гос. социально-экономическое издательство. 1939. С. 19–21.

Нечаева В.С. Из воспоминаний об истории основания первого музея Ф.М. Достоевского // Достоевский: мате-

- риалы и исследования. Л.: Наука, 1985. Вып. 6. С. 291–293.
- ОР ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 264. Л. 2 об. – 3 об., 8 – 8 об., 19 – 19 об., 21 об.
- ОР ИРЛИ. Ф. 56. Оп. 3. Ед. хр. 371. Л. 30
- ОР РГБ. Ф. 93. Раздел 2. Оп. 3. Ед. хр. 46. Л. 16.
- Письма Е.П. Достоевской к А. Бему. Публикация и комментарии М. Бубениковой и Б. Тихомирова // Достоевский и мировая культура. СПб., 2003. Вып. 18. С. 218.
- Письмо Л.А. Спивак к В.И. Богдановой. Начало января 1980 г. Архив Дома-музея Ф.М. Достоевского в Старой Руссе.
- Польская Е.Б.* Внук писателя и его мать // Мера. 1995. № 1. С. 129.
- Пчелов Е.В.* Генеалогия и евгеника в России в 1920-е гг. // Генеалогический вестник. СПб., 2005. Вып. 22. С. 20–23.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 463, 471, 1042, 1157.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 27–34.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 2.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 1.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 54.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 56. Л. 24–25.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 58. Л. 14 об.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 61.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 64.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 77. Л. 1.
- РГАЛИ. Ф. 117. Оп. 1. Ед. хр. 78. Л. 6.
- РГАЛИ. Ф. 548. Оп. 1. Ед. хр. 177. Л. 3–4.
- РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 668. Л. 6.
- Сообщено Е.В. Пчеловым.
- Селезнев Ю.* Достоевский. Серия биографий. Жизнь замечательных людей. М.: Молодая гвардия, 1981. С. 9–11.
- Следственное дело № 173. Арх. № П82333. Архив Управления Федеральной службы безопасности СПб и Ленинградской области. Сообщено Б.Н. Тихомировым.
- Труды Государственного Тимирязевского НИИ изучения и пропаганды диалектического материализма. Серия 2. Вып. 1–2. Вологда: Сев. Печатник. 1925. С. 26.
- «Утро Юга». Ростов/Д. № 112. 15 мая 1915 г.
- Фридрих В.* Близнецы. М.: Прогресс, 1985. С. 88–91.
- Шапиро С.* Из рода Достоевских // «Полесская правда». № 93. 19 ноября 1997 г. С. 3.
- Штейн М.Г.* Ульяновы и Ленины. СПб.: ВИРД, 1997. С. 214–217.
- Энциклопедический словарь Брокгауза-Эфрона. 1892.
- Эфроимсон В.П., Блюмина М.Г.* Генетика олигофрений, психозов, эпилепсий. М.: Медицина, 1978. С. 334.
- Яруцкий Л.* Маргарита Петровна из рода Достоевских // Мариупольская мозаика. Мариуполь. 1998. Вып. 1. С. 208–212.
- Conrad K.* Erhanlage und Epilepsie // Z. Neurol. Psychiatr. 1935. Bd. 135. N 2. S. 271–326.

Контактная информация:

Богданов Н.Н. E-mail: bognick@mail.ru.

MIKHAIL VOLOTZKOY AND HIS «CHRONICLE OF THE DOSTOYEVSKY FAMILY»

N.N. Bogdanov

Moscow Institute of Open Education, Moscow

Archive and poorly known published materials are researched to consider the history of writing of a fundamental work by a Moscow anthropologist M. V. Volotzkoy on Fedor M. Dostoevsky's genealogy [Volotzkoy, 1933]. Facts from biography and creative development of a now-forgotten researcher are given; academic atmosphere, in which his work has been designed and created, is described; the results followed from the study of the famous writer genealogy are discussed.

Key words: *anthropology, eugenics, heredity, psychopathology, genius*